

У всякого безумия есть логика своя.

Вильям Шекспир

***Наше время. Конец августа,
Мулян, Бургундия***

Шлеп-шлеп — гулко за окном. Топ-топ. Топ-топ и шлеп-шлеп... Тявкнул пес в соседнем дворе и тут же залился утробным ворчанием.

Старуха чуть сдвинула занавеску. Ну да. Она бежит. А псина глуп так же, как его хозяин! Старуха вчера утром сама видела, как Жоффрей, забыв свой разум и семьдесят прожитых лет, беззастенчиво млея, когда девка пробежала мимо ворот, а ее груди прыгали вверх-вниз, и майка даже не думала их сдерживать. Ну и пес его тоже хорош! Ишь, так и бьется о забор своим раскормленным телом. Думаете, оттого бьется, что жаждет вцепиться девке в голую ногу или, еще лучше, в обтянутую шортами задницу? Как бы не так! Девка всего один раз его погладила, пошептала что-то в слюнявую морду, поулыбалась ему, будто это не бульдог с отвислыми щеками, уродливый до противности, а невеста какой красавчик, — и все, он уже и руки ей лизал, и ноги. А когда она побежала — ну да, как раз вчера утром, точно, утром Жоффрей и вывел к ней своего Атлета, якобы псиной похвалиться, а на самом деле, конечно, на девку поближе взглянуть, — ну вот, значит, когда она снова побежала по дороге на Френ, Атлет завыл с такой тоской, будто по-

терял самую лучшую сучку на свете. А девка сучка и есть, по повадке видно. Надо же так, с одного раза злющего Атлета приворожить, что он теперь в кровь бьется о ворота, скулит, лишь бы она его погладила. Но сегодня она только хихикнула, ручкой помахала, крикнула что-то по-своему — нормальному человеку этого языка вовек не понять, варвары говорят на нем, варвары и дикари, да ведь русские и есть варвары и дикари! — и потопала-пошлепала дальше по лужам. Ишь, и непогода ей нипочем! А бульдог остался выть тоскливо... Ведьма она, суцая ведьма!

Старуха чуть было не плюнула с отвращением, но вовремя сообразила, что плевок угодит на кафельный пол ее собственной кухни, и не поленилась подальше отодвинуть шторку, чтобы высунуться и... Именно в ту минуту пробежавшая мимо девка повернула голову, и глаза их встретились.

— Бонжур! — крикнула девка со своим кошмарным акцентом и еще улыбнулась вдобавок.

Отвечать, конечно, не стоило. Но уж что вбито годами, десятилетиями, впитано с молоком матери, что стало почти потребностью организма для француза любого пола и возраста — так это необходимость сказать «bonjour» в ответ на «bonjour» и произнести «pardon» в ответ на «pardon». От себя, как говорится, не убежишь! Старуха раскрыла рот, забыв, что он полон слюны, тут же спохватилась, снова захлопнула его, лязгнув старой, плохо прилаженной верхней челюстью, подавилась, закашлялась — и отпрянула назад, в дом, поскорей за-

дернув занавеску, чтобы не видеть промелька сочувствия на лице девки.

Еще не хватало! Пускай подавится своим сочувствием!

Тут же старуха ощутила, что давится сама, — и разразилась насадным кашлем, задыхаясь и ничего не видя от слез, мигом заливших все ее набрякшее морщинами лицо.

Чертова девка! Проклятая русская дикарка! Ведьма!

Старуха наконец сплюнула в кухонную раковину, отдышалась, утерла лицо кружевным платком, сильно пахнущим лавандой (в шкафу лежали многочисленные саше с лавандой из собственного сада), — и вдруг ухмыльнулась.

Надо же, что творится! Она назвала девку ведьмой... А ведь не столь уж много времени назад ведьмой называли ее. И она только делала вид, будто обижается. На самом деле ничего оскорбительного в этом слове она не видела. Для нее было как комплимент — услышать за спиной сдавленное: «*La sorcière!*» Судачили: мол, она и с резистантами уживалась, и с фашистами, и никто на нее руку не поднял, даже когда расстреляли пятерых жителей Муляна, заподозренных в связях с маки¹, а потом начали наголо стричь всех баб, к которым хаживали фрицы... Нечистое, значит, де-

¹ Маки — так назывались французские партизаны, скрывавшиеся в горах и лесах (слово «маки» на Корсике означает заросли непроходимого кустарника); резистантами же (от слова *Résistance* — Сопrotивление) называли вообще всех участников антифашистского движения.

ло: всех вокруг пальца обвела! Судачили также, будто кто-то из ее прежних любовников (замужем-то она отродясь не была, да и кто б решился взять ее за себя, с таким-то гонором, это ж самому себя в могилу загнать!) оставил ей деньги, много денег... Иначе как объяснить то, что она жила, не ведая беды, даже в самые тяжелые послевоенные годы, да и вообще всегда? А может, коли она ведьма, то спала с самим дьяволом, а дьяволовым деньгам исходу нету, известно по старым сказкам. Ох, какого только змеиного шепотка не слышала она за своей спиной, но никто так и не разгадал ее тайны. Лишь одному человеку удалось, он и осмелился сказать ей это в лицо. Ну и что? И где он, тот глупец?

Старуха пожала плечами и снова выглянула из окна. Девка на своих длинных ногах (такие длинноногие в бургундских краях — нелепость и редкость, словно журавли в гусиной стае!) уже невесть сколько отмахала. Как раз пробежала яблоневый сад на окраине Муляна. Жаль, пропустила интересный момент: как она воровато оглянется, наклонится, нашарит в траве упавшее яблоко. (Очень, очень много яблок нынешним летом, и яблок, и ежевики, и боярышника, значит, зима холодная будет, померзнут виноградники Жоффрея в горах, померзнут... да и черт с ними!) А девка, как найдет яблоко, оботрет о шорты, а потом, еще раз воровато обернувшись, откусит. И побежит дальше, жуя, откусывая снова и снова. И не подавится ведь!

Конечно, здесь, в Бургундии, яблоки невероятные, сочные, огромные, красные, у них там, у

русских дикарей, конечно, такого не видели, вот девка и набивает живот тем, что ни один уважающий себя бургундец и в рот не возьмет: упавшим яблоком. Они ж только для коз, люди едят лишь сорванные с веток, росой покрытые, из них и сидр делают. А эта... Фу, ну и брюхо у нее! Луженое, вот уж верно — луженое. Дикарка, как было сказано.

Впрочем, яблоками отравиться можно только в сказках. Мачеха подсунула отравленное яблочко *Blanche Neige*, Белоснежке, ну, та и... А в жизни чаще всего другим чем-нибудь травятся. Грибами, к примеру. Вот говорят, будто в здешних лесах растет один такой гриб, почти неотличимо схожий с шампиньоном...

Старуха передернула плечами. Сырость, сырость недавно прошедшего дождя вползла в окно. Пахло августовской прелью, занавеска стала влажной, но старуха не опустила ее, а все смотрела вдаль.

Дорога скоро уйдет в низину. Со всех сторон ее обступили леса. Не слишком большие, лишь поля ограждают от дороги, но густые непролазно, все заплетенные плющом и заросшие низкорослым шиповником. Старуха помнила по прежним временам: когда идешь по дороге, гулкое эхо твоих шагов отражается от плотной стены леса и отдается вокруг. Небось, когда девка бежит, ей чудится, будто кто-то — шлеп-топ, топ-шлеп... — преследует ее. И она дергается, озирается, трусит.

А может, и не трусит. И не дергается, и не озирается. Может, сам черт ей не брат. Бежит себе, изредка поглядывая на метки на асфальте, означающие, сколько километров она пробежала от

Муляна и сколько еще осталось до Френа, до Нуайера, Сен-Жоржа, или куда там она бежит. Бежит да какую-нибудь свою варварскую, дикарскую песенку распевает.

Старуха нахмурилась. Ей хотелось, чтобы русской девке было страшно, жутко, тревожно. И она, сильно нахмурившись, вспоминала, снова и снова вспоминала о том, как тяжело дышится между сырых стен леса, как бесприютно посвистывает ветер при дороге, как неподвижно и тупо лежат по обочинам оранжевые и коричневые лимазы¹, словно бы кожаные, немного похожие на отрезанные перчаточные пальцы...

В такую сырость и непогодь плохо на лесных дорогах, плохо, упорно думала старуха. Чувствуется, что август — это последний летний месяц, а то и первый осенний. Листья начинают опадать. Ветер подберется сзади, закрутит их, просвистит за спиной... почудится, кто-то промчался на велосипеде, но обернешься — а там нет никого.

Нет? Никого нет?

Старухе показалось, будто по спине ее прошла чья-то ледяная рука. Она быстро отошла к разожженному камину и встала к нему спиной, мрачно глядя на кружевную занавеску, за которой медленно, словно нехотя, занимался пасмурный день, суливший близкий дождь.

Таким утром того и жди, что услышишь на лесной дороге шелест велосипедных колес, чье-то запаленное дыхание. В такое утро носится по доро-

¹ Лимаз — слизняк (*искаж. франц.*).

гам вокруг Муляна призрак велосипедиста, а на сырых опушках вылезает из земли омерзительный и страшный гриб — белая бургундская поганка...

***Наше время.
Некий день в начале августа, Москва***

Невезуха — это что-то вроде курносого носа. Пожизненная награда. От невезухи ничем не избавишься, а нос курносый ничем не исправишь. Конечно, есть такая штука, как пластическая операция... Но ведь ты все равно запрограммирован курносым. И век свой живешь именно так, как определено жить всем курносым: нелепо. Потому что нос твой нелеп. А вот если у тебя греческий, а еще лучше — римский профиль и носик с небольшой изысканной горбинкой (можно не с такой медальной, как у Ахматовой, а что-нибудь поскромнее), то и жизнь ты проживаешь необычайную и изысканную.

Алёна Дмитриева, героиня нашего повествования, не могла бы положить руку на сердце уверять, что жизнь у нее такая уж обычная. Однако нелепой ее вполне можно назвать. Может быть, из-за курносого носа, которому вовремя не было произведено усекновения и который придавал ее физиономии нечто несуразное?

Что характерно, нос Алёны был курносым только анфас. В профиль же он смотрелся очень даже пряменьким и придавал ее профилю нечто... ну, не сказать аристократическое, но надменное, высокомерное и всякое такое. Профиль свой Алёна

любила и, стоя перед зеркалом, всячески пыталась извернуться так, чтобы им подольше полюбоваться. Для удобства однажды было даже куплено трехстворчатое зеркало, но буквально на другой день и расколото.

Пусть это и предрассудки — считать, что разбитое зеркало к несчастью, но у кого не дрогнет сердце при сборе зеркальных осколков?! Алёна Дмитриева таких людей не встречала. Именно поэтому она некоторое время обреченно ждала наступления в своей жизни полосы несчастий. Полоса наступала и отступала, жизнь ведь полосатая, за черным идет белое. И наоборот. Алёна все терпеливо сносила, но, хоть продолжала любить свой почти аристократический профиль, больше трехстворчатого зеркала не покупала. Видимо, ее курносому и нелепому носишке возвеличивание его высокородной ипостаси пришлось не по нраву. Ну, он и начудесил с зеркалом. Алёна смирилась и теперь лишь изредка осмеливалась, сильно скосив глаза, полюбоваться своим изысканным профилем... И немедленно после этого, словно в отместку, жизнь ее начинала курносить.

Да вот хоть тот последний случай с терминалом на Курском вокзале.

Там в туалете — в том, который на первом этаже, — зеркала очень удобно расположены. Наблюдай за своим профилем сколько хочешь! Алёна так и делала, пока подкрашивала ресницы — в поезде не успела, проспала, а с ненакрашенными ресницами явиться в пир, в мир и в добрые люди она стыдилась (ну вот не удались у нее ресницы, что

да, то да!). А потом вышла в зал ожидания и вспомнила, что вчера не заплатила за мобильный телефон: уезжала, как обычно, в обрез, уже такси стояло под окном, а она все еще швыряла последние вещи в чемодан. Ладно, сейчас и заплатит.

Удобнейшая вещь — терминалы для оплаты мобильных телефонов, верно? Натыканы деньгоприемные ящики везде и всюду, никуда не надо ехать, в очереди стоять не требуется, и платежи проходят мгновенно. Алёна любила платить через терминалы. Причем сам процесс оплаты (выбрать вид услуг, найти своего оператора, указать номер телефона, подтвердить его, сунуть в окошечко денежки, получить квитанцию) доставлял ей такое удовольствие, что она, если собиралась положить на свой счет пятьсот, к примеру, рублей, платила пять раз подряд — по сотне. Ну что ж, в каждом из нас, говорят, живет дитя малое, пусть даже ты взрослая (не сказать больше!), самостоятельная, состоявшаяся (хоть и несостоятельная) дама и почти известная писательница (широко известная в узком кругу, как весьма удачно выразился какой-то остряк-самоучка, сейчас и не вспомнить, кто именно). Вот и в Алёне Дмитриевой задержалась девочка Лена Володина, какой она была когда-то. Задержалась и нет-нет да выглядывала на свет божий. Вот и сейчас Лена Володина и Алёна Дмитриева могли испытать кайф общения с терминалом — причем не раз, не два, даже не пять, а целых пятнадцать! Потому что положить на свой счет Алёна задумала полторы тысячи рублей. Ведь она уезжала из России на целый месяц, и не куда-

нибудь, а во Францию. Конечно, на такой длительный срок лучше купить новую сим-карту в Париже, но пока-а еще ее купишь... А в роуминге деньги расходуются просто в клиническом количестве, и ведь всем известно, что хуже нет — вдруг оказаться без связи. Поэтому лучше подстелить соломки. Много соломки! Аж полторы тысячи соломок!

Итак, она нашла терминал, подождала, пока отойдет чернявый парень, заплативший пятьсот рублей одной бумажкой («Эх!» — с сожалением подумала Алёна), на мгновение задержалась взглядом на его широких, хоть и худых плечах, обтянутых тонким серым пуловером, удивилась вкрадчивой пластичности его движений: идет, как танцует! Потом нахмурилась, отгоняя некие неизбежные воспоминания из прошлой, давно умершей жизни, которые воленс-ноленс воскресали всякий раз при одном только, даже самом мимолетном, упоминании о танцах и танцорах, — немножко, самую малость, огорчилась, что парень скользнул по ней таким равнодушным взглядом (ну и пожалуйста, ему же хуже, ничего не понимает во взрослых женщинах!), и подступила к терминалу. Выбрала дурацкий логотип МТС (она была верна МТС много лет, что не мешало считать логотип этой сети дурацким, дурацким!), потом набрала свой номер и, повинувшись подсказкам, отправила в приемник первую сотню, нажала на надпись «Оплатить», приготовила вторую денежку... но тут запел ее мобильный телефон.

Звонила Марина — одна хорошая и милая ба-

рышня, которая жила в Париже, потому что была замужем за симпатичным французом по имени Морис и даже родила ему двух русско-французских девочек. Алёна дружила с ней и уже несколько раз побывала в гостях в ее очаровательном семействе, туда она собиралась и сейчас: и виза была готова, и рейс Москва — Париж уже сегодня вечером. Марина такая хлопотунья, такая заботница! Несмотря на то что Алёна старше ее больше чем на десяток лет, Марина считала ее сущим дитем неразумным (ну, наверное, заслуженно считала, ей-богу!) и раз двадцать готова была напомнить, как именно нужно добираться от аэропорта Шарль де Голль. Алёна много раз ездила этим маршрутом и все прекрасно помнила: сначала сесть на бело-зеленый автобус с логотипом «Roissy bus», не перепутать с другой фирмой, другой автобус завезет невесть куда, доехать до улицы Скриба, что возле Опера, а уж откуда до Марининого дома рукой подать. А идти по рю Лафайет да Лафайет и мимо «Галери Лафайет»...

Убеждая Марину, что она, Алёна, не так глупа, как могло показаться во время ее последних визитов¹, и уж никак не заблудится в прекрасном Париже, наша путешественница рассеянно смотрела на терминал, ощущая некое неудобство. Ей чего-то не хватало... Ага, чека, вот чего! Терминал не выдал чек, удостоверяющий, что оплата произведе-

¹ Эти истории можно прочесть в романах Елены Арсеньевой «На все четыре стороны» и «Поцелуй с дальним прицелом», издательство «Эксмо».

дена. А чек в наше время — о-очень важное дело. Ежели вдруг какие претензии возникнут, ну кто ты без чека? Никто! И слушать тебя никто и нигде не станет, даже и глядеть-то на тебя не станут! Поэтому Алёна почувствовала себя без чека очень неудобно. И еще одна настораживающая деталь: не меньше пяти минут прошло после оплаты, а на ее номер до сих пор не поступила эсэмэска о том, что деньги на счет зачислены. Конечно, пяти минут вроде бы маловато, поэтому Алёна не поленилась: закончив разговор, подождала и десять минут, и пятнадцать. Разумеется, она не стояла тупо около терминала, а покупала для Марины ее любимые московские конфеты — рот-фронтвские, красно-октябрьские и бабаевские: «Мишка на Севере» и «Ананасные», а также батончики «Халва в шоколаде» и суфле разных видов. И ждала, ждала... Но толку никакого: эсэмэска о зачислении денег так и не пришла. Тяжко вздохнув, Алёна потащилась в салон «Евросети», расположенный здесь же, на первом этаже Курского вокзала, заплатила все деньги сразу строгой барышне в униформе, получила чек, спустя буквально три минуты приняла эсэмэску о том, что сумма на ее счете изрядно увеличилась... и окончательно смирилась с мыслью о потере первых ста рублей.

— Терминал не работает, — пожаловалась она барышне. — Сожрал мою сотню — и не поморщился.

— Да, такое сплошь и рядом случается, — кивнула барышня. — Ой, смотрите, какой-то тип деньги из аппарата вынимает... Наверное, он как

раз из их фирмы, кто еще в ящик полезет. Вот вы ему и скажите свое «фэ». Или пусть он вам вашу сотню отдаст.

— Да у меня чека нет, — вздохнула Алёна, — не поверит.

— Попытка не пытка, — уверила добросердечная барышня.

Да ведь и в самом деле!

Алёна, волоча за собой чемодан, вернулась к терминалу и сказала в широкую, плотную спину человека, склонившегося над ним:

— Извините, этот аппарат только что забрал мою денежку, а чека не отдал...

Спина разогнулась, повернулась — и Алёна увидела ее обладателя. Он был такой типичный ретро-качок, что даже смотреть скучно. Сразу вспоминались боевые девяностые годы, широченные штаны с мотней, висящей чуть не до колена, тусклые кожаные куртки и тусклые глаза, покатые плечи, бритые головы, тупая ярость в каждом слове... Все было один в один, кроме кожаной куртки. Все же на дворе конец августа, очень жаркого августа, так что вместо куртки на качке была черная, но тоже тусклая футболка. И в довершение образа у него была свежая царапина на ухе, словно кто-то вот только что провел по нему булатным вострым ножичком. Готовый типаж для киношки по романам Бушкова!

— Я тут при чем? — буркнул ретро-качок. — Звоните в фирму.

Он махнул на терминал и торопливо пошел прочь, воровато косясь на Алёну и засовывая

деньги в карманы своих широченных ретро-штанов.

«Я бы ничуть не удивилась, если бы оказалось, что он просто-напросто обчистил автомат!» — подумала наша героиня. Собственно, она бы не имела ничего против этого: автомат обчистил ее, ретро-качок обчистил автомат, фирма получила по заслугам. Экспроприация экспроприаторов, так сказать! Но если так, то ведь и ее сотня тоже украдена. И поди теперь докажи, что она платила. А может быть, внешность ретро-качка обманчива? Вот ведь и у Алёны она очень даже обманчива. С виду тако-ой милый свежий цветочек, а в натуре... нет, конечно, она не божий одуванчик пока еще, но все же и не такая легкомысленная тридцатилетняя девочка-припевочка, какой может показаться на первый беглый взгляд. Именно потому, что Алёна помнила: внешность весьма обманчива! — она поискала на желтом сверкающем боку автомата номер телефона фирмы, которой он принадлежал, и набрала его по своему мобильному.

Сначала долго никто не брал трубку. Потом включился автоответчик:

— Вы позвонили в фирму «Терминал-сервис». К сожалению, сейчас все диспетчеры заняты. Вы можете оставить свое сообщение после гудка или перезвонить попозже.

Алёна задумчиво посмотрела по сторонам. Позвонить попозже? Да она забудет как пить дать. Довлеет дневи злоба его, а злобы, то есть дел и хлопот, у нее сегодня невпроворот. Просто не-

впроворот! Поэтому она торопливо — гудок уже отзвучал — проговорила:

— Ваш терминал, который находится на Курском вокзале, не выдал мне чека на сто рублей, и сообщения о зачислении денег на счет я тоже не получила, и даже сотрудник ваш, который деньги из терминала изымал, качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом, отказался со мной разговаривать и принимать претензии. Если вы, господа, качаете таким образом деньги из народа, то это свинство, товарищи! Впрочем, искренне надеюсь, что произошло случайное недоразумение и скоро я получу сообщение о поступлении денег на мой счет. Сообщаю мой телефон... Можете позвонить и принести свои извинения!

Выговорив все одним духом (за словом, как устным, так и письменным, Алёна Дмитриева отродясь не лезла в карман!), она сунула телефон в сумочку и двинулась ко входу в метро, размышляя: а за каким чертом она, собственно, звонила в «Терминал-сервис» и взывала к совести его обитателей? Что, у нее последняя та сотня, чтобы из-за нее так надрываться и хлопотать?! Честно говоря, имелась у нашей героини такая черта: при всем своем патологическом транжирстве и клиническом неумении *наживать* деньги она вдруг начинала порой экономить на спичках. И довольно бестолково, надо сказать: ведь она сейчас в междугородном роуминге, время же днем самое дорогое, так что, забоясь о несчастной сотенке, кинула псу под хвост почти столько же!

А, ладно! Алёна выбросила эту дурь из головы

(она, между нами говоря, виртуозно умела выбрасывать из головы все ненужное... и нужное, кстати, тоже, из-за чего бывала на редкость забывчива, порой до одури) и даже не подозревала, что из-за кретинской, жалкой сотни только что подвергла свою жизнь такой опасности, какой не подвергала ее ни разу... Пожалуй, ни разу с тех самых пор, как родилась!

***Из дневника Селин Дюбоннез,
1965 год, Мулян, Бургундия***

Иногда меня поражает человеческая тупость. Вернее, невнимательность. Никто, ну вообще никто ничего, ну вообще ничего не видит дальше своего дурацкого носа. Не видит и не помнит. И все бредни, которые можно прочесть в романах о том, как человек через много, много лет узнает своего обидчика и начинает ему страшно и ужасно мстить, — воистину бредни, выдумки досужих писак.

Очень забавно я себя чувствовала, сидя сегодня напротив Жоффрея. Все-таки привлекательный мужчина. Был несуразным мальчишкой, потом нелепым юнцом, а теперь так преобразился. И курица Жанин ему совершенно не подходит. Ему нужна настоящая женщина! Женщина с характером и с таким же огромным жизненным аппетитом, как у него. Но это у них в роду — жениться на курицах. Я ведь отлично помню Лазара, его отца. Он был потрясающий мужчина. А его Мадлен была просто ничто. Но очень хитренькое ни-

что. Лазар не мог понять, каким образом Мадлен умудрилась забеременеть. Что-то такое плел, мол, она сама залезла к нему-то шалаш на виноградниках, когда он ходил на встречу со связным маки́. Все может быть: Мадлен-то была курица, но ведь курица всегда к себе гребет. А может, врал он, строил из себя такую невинность, чтобы я не бесилась. Но... я бесилась!

Теперь Лазара давно нет, Мадлен никого другого себе не нашла и корчит из себя вдову резистанта. Ей так и не удалось добиться, чтобы Жоффрею дали фамилию Лазара — тот был Барон, а Мадлен и Жоффрей — Пуссоньер, но все знают: Лазар женился бы на Мадлен и сын его родился бы в законном браке, если бы за несколько дней до того, как союзники высадились в Нормандии и гитлеровцы начали паковать чемоданы, Лазара не поставили к стенке... К той самой, что неподалеку от часовни на перекрестке, почти в центре Муляна, она теперь увита виноградом... Ох и вкусный там растет виноград! Его никто не рвет — кому нужен дичок, когда у каждого в садах или на полях отличные, элитные сорта? — но я иногда незаметно отщипну ягодку-другую. Какая сладость! Может быть, кровь мужчины, которого я когда-то любила, придает ягодам невыразимую сладость прощального поцелуя?

Красивые слова — прощальный поцелуй... Но мы так и не обменялись им с Лазаром. Я стояла в толпе, когда его вели на расстрел. Он взглянул на меня, но словно бы не увидел. Близость смерти уже затуманила его взор. Он только один раз вски-

нул голову и крикнул: «Пусть капитан спросит матроса!» И обвел толпу глазами, но словно бы никого не увидел, в том числе и меня. Я была близко, я смотрела в его глаза, но он не заметил меня, не узнал...

Вот точно так же и Жоффрей не узнал меня сегодня в Нуайере. Я смотрела ему в глаза, он взглянул на меня, наклонился, выпрямился... и пошел дальше.

Я растерялась, потому что не была готова к встрече: ну какие дела могут быть у Жоффрея в Нуайере среди бела дня, когда здесь бродят только туристы? Хотя, конечно, следовало ожидать, что я когда-нибудь наткнусь на кого-то из Муляна. Сердце у меня так и сжалось, так и ухнуло! И все же я без страха смотрела в глаза Жоффрея. Я не собиралась прикрывать лицо, я не собиралась что-то униженно бормотать в свое оправдание. Скорее я готова была вцепиться в его лицо ногтями! Пусть бы только посмел бросить мне хоть слово упрека!

Но его счастье...

Он пошел к своей машине, стоявшей у собора. Оттуда, скромно опустив глаза и отирая платочком влажные после святой воды пальцы, выходила Жанин. Итак, эта клуша еще и святоша! Я тогда была готова держать пари, что именно она заставила мужа привезти ее в разгар дня в Нуайер, бросив все дела. И нынче вечером во время аперитива выяснилось, что я оказалась совершенно права. Наша курица ощутила, что, кажется, готова снести яичко! Жанин почувствовала себя «в интересном положении»!

Ненавижу это жеманство. Что там особо интересного, в том положении? Судя по зеленоватому, отежнему личику Жанин, ее мутит круглыми сутками, вот и весь интерес.

Так вот: Жанин очень боится потерять ребенка, которого с таким трудом зачала, и кто-то напомнил ей про старинный обычай: трижды пройти под городскими воротами Нуайера. Ну она и погнала немедленно мужа исполнять дурацкий обряд. А для надежности решила еще и в собор зайти. Жоффрей не стал ее сопровождать, он решил прогуляться и... наткнулся на меня.

И не узнал.

Ох как я тряслась от смеха, глядя ему вслед! Правда, сначала-то я немного потряслась от страха, а уж потом так и зашла хохотом. Просто давила им! Боялась, кто-нибудь заметит мое веселье, но повезло: рядом никого не оказалось. А потом пошли туристы от обедни (они любят слушать орган), и мне стало не до Жоффрея.

А вечером я сидела в его доме, в уютном уголке около камина, положив голову на накрахмаленный, несколько пожелтевший от времени антимакассар¹, связанный, если не ошибаюсь, еще бабушкой Мадлен (у меня тоже есть нечто подобное, и мне нравится думать, что ее когда-то связала Николь, «безумная Николь»). Сидела и, с наслаж-

¹ Антимакассар (*искаж. франц.*) — кружевная салфетка, положенная на спинку кресла там, где ее касается голова человека. Придумали такие салфетки в старину для предохранения мебели от масла или брильянтина, которыми смазывали волосы, пытаясь придать им гладкость.

дением лова каминный жар (нейлоновые чулки ведь совершенно не греют, они не для таких холодов, какие стоят нынче!), размышляла о том, что люди ничего, совершенно ничего не замечают и не видят вокруг себя. Может быть, это и плохо, но меня это вполне устраивает!

Я благостно улыбнулась и только потянулась к рюмочке ратафьи¹, которую Мадлен делает непревзойденно, отдадим ей должное, даже лучше, чем я, как меня посетила мысль, несколько подпортившая мое чудесное настроение: Николь тоже была уверена, что ее никто не замечает и не узнает. А чем все кончилось? Кончилось ее последними словами: «Сколько веревочке ни виться...»

И меня вдруг охватило острейшее желание перечитать ее дневник. Когда-то я знала его чуть ли не наизусть, ну а потом он исчез. Его спрятал Лазар, но не успел рассказать никому о том, куда спрятал. В старой тетради, в кожаном, мягком, очень потертом переплете были на последних листках сделаны его шифровальные записи... для конспирации, так сказать. Мальчишки, глупые мальчишки, вот кто они были, наши маки! Мальчишки, заигравшиеся в опасные, слишком взрослые, жестокие игры! Ну и все исчезло бесследно: и записи Лазара, и записки Николь.

Сколько раз приходил ко мне Легран, командир Лазара (кстати, и друг его, потому-то он и знал о нашей связи, знал, что мы любовники, что Лазар

¹ Ратафья — в Бургундии — крепкий домашний напиток, что-то вроде виноградной водки.

доверяет мне все на свете, даже тайны резистантов), приходил и умолял найти шифровальные записи. И когда я говорила, что не знаю, где они, он страшно злился и орал на меня. Иногда начинал размахивать кулаками и, чудилось, едва сдерживался, чтобы не ударить. Как-то раз за пистолет схватился, за точно такой же «байярд», какой был у Лазара. Но я только плечами пожала. И вовсе не потому, что я такая храбрая. Я действительно не знала, куда Лазар спрятал дневник Николь вместе с шифровальными листами. И до сих пор не знаю! Может быть, знал Матло, не зря же Лазар кричал перед смертью: «Пусть капитан (то есть Легран) спросит матроса!»¹ Они были вместе в тот вечер, когда Лазар мог спрятать дневник. Но Матло той же ночью погиб — подорвался на mine, которую сам же ставил на железной дороге. Спросить было уже некого, но Лазар об этом не знал...

Легран обошел потом всех соседей Лазара, к которым тот мог зайти тем вечером, когда его схватили гитлеровцы. Лазар вместе с Матло был у Волонтье, своих дальних родственников, у Брюнов (его кузина Маргарет попросила прочистить водосток над крыльцом, который все время забивался... он так и продолжает забиваться по сей день, плохо Лазар его прочистил, на него уже все рукой махнули!), был у Женевьевы, вдовы своего покойного брата. Он часто заходил к Женевьеве, чтобы поиграть со своим племянником Рене. Многие, как и я, были уверены, что Рене не племян-

¹ По-французски le matelot — «матрос».

ник, а сын Лазара, а Женевьева как была его подружкой до свадьбы, так и оставалась любовницей после оной... Но никто не видел в руках Лазара тетради, никто не замечал, чтобы Лазар что-то спрятал в их доме. Еще он с Матло ходил к нижним загонам, где держал своих коз старый Марк, и долго гулял с ним по дорожке, ведущей к старой мельнице. И я, к примеру, думаю, что спрятал он тетрадь именно там. Если бы мне понадобилось где-то сохранить секретные документы, я бы точно выбрала старую мельницу!

Сначала Легран со своими маки́, потом я собственноручно перерыли там все. Я даже заметила поднятый и уложенный на свое место дерн: что и говорить, Легран искал тщательно. Но ни он, ни я — мы так ничего и не нашли. И реликвия моей семьи, дневник, который сыграл столь странную роль в моей жизни, пропал! А ведь я пишу свой дневник именно потому, что так поступала когда-то Николь Жерарди, моя прапрабабка, вернее, родная сестра моей прапрабабки по материнской линии. Думаю, она возродилась во мне... А может быть, наоборот: я существовала в ее теле в те давние времена, когда та часть нашей семьи, к которой принадлежала Николь, была богата, жила в Париже, когда превратности судьбы и неудачный брак еще не занесли мою бабку Селин в бургундскую глухомань. Кстати, меня называли в ее честь. Вот жалость-то! Я бы предпочла зваться в честь Николь, но ведь у новорожденных никто не спрашивает, чего они хотят...

Как же мне не хватает Николь! Конечно, я

помню всю историю ее жизни, но чтение ее дневника было для меня словно бы общением с человеком, который меня абсолютно понимает и во всем одобряет. Мы с ней совершенно одинаковые, мы так похожи... Думаю, она поразилась бы, глядя на меня.

Даже не знаю, чего бы я только не дала, чтобы найти дневник Николь. И не только потому, что больше всего на свете хотела бы прочесть его снова. Если он попадет сейчас в чужие руки... это может стать очень опасным для меня. Слишком во многом следовала я той дорогой, которую проторила Николь! А впрочем, чего я боюсь? Бедняжка Лазар так ничего и не понял, так и не догадался о причинах, по которым угодил в засаду, а ведь он читал дневник Николь, он знал, что мы родня... Легран мог оказаться догадливей и осторожней, мне повезло, что он тоже ничего не понял, не нашел ни дневника, ни связи... Да нет, вряд ли кто-то усмотрел бы какую-то связь... Люди глупы, невнимательны и неприметливы.

Вот и великолепно! Меня это вполне устраивает!

Наше время.

Тот же день в начале августа, Москва

— Стас? У нас проблемы. Большие проблемы. Слушай, сейчас запись пройдет, принимай инфу.

«Ваш терминал, который находится на Курском вокзале, не выдал мне чека на сто рублей, и сообщения о зачислении денег на счет я тоже не

получила, и даже сотрудник ваш, который деньги из терминала изымал, качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом, отказался со мной разговаривать и принимать претензии. Если вы, господа, качаете таким образом деньги из народа, то это свинство, товарищи! Впрочем, искренне надеюсь, что произошло случайное недоразумение и скоро я получу сообщение о поступлении денег на мой счет. Сообщаю мой телефон... Можете позвонить и принести свои извинения!»

— Не понял...

— Чего тут непонятного? Наш терминал на Курском разбомблен.

— Погоди, да я ведь только что...

— Ну вот он и разбомблен по горячим следам.

— Ты хочешь сказать, что за мной был хвост?

Да ты что? Ты просто рехнулся, если такое...

— Заткнись, Стас. Не разбухай. Не то лопочешь. Сейчас строго факты: терминал вскрыт, деньги и все прочее взяты.

— А если это вранье?

— Было бы здорово... Ты сейчас далеко от терминала?

— Да нет, я тут зашел кофе попить.

— Козлина! Сто раз говорено было: сделал дело — ноги в руки! А он — кофе попить... Убил бы на хрен!

— Придержи язык, ты! «Козлина...» От козлины слышу!

— Ладно, прекратили. Даже хорошо, что ты такой кофеман оказался. Живо к терминалу, понял?

Не отключайся. Давай, держи меня постоянно в курсе.

— По шагам, что ли? Ну, вот я вышел из кафешки на втором этаже... спустился по эскалатору... прошел через нижний зал... вот салон, где мобильниками торгуют, вот терминал. Открывать, что ли?

— Открывай. Ну! Что молчишь? Я же сказал, держи меня постоянно в курсе!

— Пусто. Деньги взяты.

— Так... Это точно?

— Я же не слепой.

— А я еще надеялся...

— На что? Что я ослеп вдруг?

— Да нет, что тетка, которая звонила, просто развлекалась. Мало ли, знаешь, какие понятия о чувстве юмора у людей! Но чудес не бывает... Ладно, хватит причитать, слушаем запись еще раз.

«Ваш терминал, который находится на Курском вокзале, не выдал мне чека на сто рублей, и сообщения о зачислении денег на счет я тоже не получила, и даже сотрудник ваш, который деньги из терминала изымал, качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом, отказался со мной разговаривать и принимать претензии. Если вы, господа, качаете таким образом деньги из народа, то это свинство, товарищи! Впрочем, искренне надеюсь, что произошло случайное недоразумение и скоро я получу сообщение о поступлении денег на мой счет! Сообщаю мой телефон... Можете позвонить и принести свои извинения!»